

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені Г. С. СКОВОРОДИ
Факультет іноземної філології

Сучасні філологічні і методичні студії: проблематика і перспективи

Матеріали

Міжнародної науково-практичної конференції
для науковців, викладачів, учителів, здобувачів
вищої освіти

18 травня 2022 року

<i>Шкриль Катерина, Одегова Наталія</i> The Motivational Aspect of Cooperative Learning in the English Classroom.....	96
СУЧАСНІ ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІ СТУДІЇ.....	99
<i>Deniz Suzan</i> A Reconsideration of the Childhood Myth and its Reflections in “The Giver” and “The Last Children”.....	99
<i>Tamošiūnienė Lora</i> Debate of “Distant” vs “Close” Reading in Literature Studies.....	101
<i>Веретюк Тетяна</i> До питання розвитку жанру детектив в українській літературі.....	103
<i>Веретюк Тетяна, Киричук Софія</i> Жанр міського фентезі в українській літературі.....	105
<i>Володарська Маргарита</i> The novel “Little women” by L.M. Alcott: Interpretation Aspects.....	108
<i>Горовенко Марія</i> Scottish Cultural Identity in the Novel ‘Outlander’ by D. Gabaldon.....	111
<i>Князь Ганна</i> Рецепція античності в англійській літературі.....	113
<i>Козлова Алла</i> Осень в лирике Эльдара Рязанова.....	116
<i>Кононова Жанна</i> Balmont – The Translator of English Poetry.....	119
<i>Корнєєва Людмила</i> Кросс-опусний художній світ у контексті колективної сутності культури...	122
<i>Лазарева Олена</i> Художня концепція світу та руйнівна саморефлексія у творчості М. Еміса....	124
<i>Приходько Віра, Солошенко-Задніпровська Наталія</i> Духовний світ людини на війні.....	127

Список використаних джерел

- Бахтин, М.М. (1986). *Литературно-критические статьи*. Москва: Худож. лит.
- Войтехович, Р. (2007). *Античные мотивы в творчестве Марины Цветаевой*. Тарту.
- Князь, Г.О. (2021). Міфологічна подорож героя як ініціація в поемі «Мазепа» Дж.Г. Байрона. *Закарпатські філологічні студії*, Вип.16, 311–316.
- Нямцу, А.Е. (2002). *Легендарные образы в литературе*. Черновцы: Рута.
- Поліщук, Я. (2002). *Міфологічний горизонт українського модернізму: Літературознавчі студії*. Івано-Франківськ: Лілея-НВ.
- Турган, О. (2013). Рецепція античності в українській літературі (діахронічний аспект). *Філологічні семінари*, Вип.16, 72–81.

ОСЕНЬ В ЛИРИКЕ ЭЛЬДАРА РЯЗАНОВА

Алла Козлова

Харківський національний педагогічний університет імені Г.С. Сковороди,
Україна

Творчество Эльдара Рязанова (1927–2015) как талантливое кинорежиссера, актера и сценариста давно известно широкой зрительской аудитории и по достоинству оценено кинокритиками. Гораздо менее известен Рязанов-поэт. Исключение составляют, пожалуй, лишь те его стихотворения, которые были положены на музыку и вошли в качестве песен в снятые им кинокартины. А между тем лирика Эльдара Рязанова интересна не просто как поэтическое творчество талантливого человека, снискавшего себе славу в других видах искусства, она довольно оригинальна и является материалом, достойным литературоведческого внимания. Мы уже обращались к характеристике одного из аспектов поэтического наследия Э.А. Рязанова, связанного с особенностями воплощения музыкальной темы и музыкальных образов в его лирике (Козлова, 2021). В этот раз предметом нашего исследования стали особенности воплощения в поэзии Рязанова темы осени и соответствующих образов.

Даже беглое знакомство с поэтическим творчеством Эльдара Александровича позволяет охарактеризовать его в целом как философскую лирику. Буквально каждое стихотворение содержит размышления поэта о жизни и ее скоротечности, о человеке и его судьбе. И это вполне закономерно, так как писать стихи Рязанов начал не в юные годы, а будучи уже человеком довольно зрелым: наиболее «ранние» из опубликованных стихов датируются 1963 годом, а первый поэтический сборник вышел только в 1988 году в виде тоненькой книжечки в библиотеке «Огонёк» (Рязанов, 1988).

Непосредственно связаны с темой осени уже на уровне заглавия стихотворения «Листопад» и «Ноябрь», а также цикл стихов «Боткинская осень», название которого грустно-иронически обыгрывает условное именование одного из наиболее продуктивных периодов пушкинского

творчества – «Болдинская осень» (грустная авторская ирония связана с его пребыванием осенью 1986 года в Боткинской больнице).

Стихотворение «Листопад» (Рязанов, 2007, с. 83–84) построено на персонификации этого осеннего явления и написано в форме риторического обращения к листопаду: *Как тебе я, милый, рад, / мот, кутила-листопад. / Ты, транжира, расточитель, / разбазарил, что имел. / Мой мучитель и учитель, / что ты держишь на уме?* Одушевляя, очеловечивая листопад, Рязанов наделяет его разноречивыми характеристиками. Наряду с определением *милый*, поэт использует целый ряд других эпитетов, которые выражены существительными: *мот, кутила, транжира, расточитель*. Обращенный к листопаду риторический вопрос содержит перифраз – *мой мучитель и учитель*, в котором также представлена его амбивалентная характеристика. Эта двойственность, заданная в начальной строфе, постепенно снимается в тексте стихотворения, где листопад получает именование «друга» и «брата» лирического героя: *Ты прощаешься без звука, / друг мой, брат мой листопад: / отдаёшь родные листья, / ты – образчик бескорыстья*. В заключительных строках стихотворения лирический герой заявляет: *Как тебе я, милый, рад, / листопад – мой друг и брат*.

Интересно, что в данном стихотворении осенние листья метафорически «превращены» Рязановым в разноцветные банкноты, купюры. Эта оригинальная авторская метафора в тексте реализована несколько раз: *Разноцветные банкноты / тихо по миру летят <...>; Разноцветные купюры / под ногами шелестят...; <...> а в садах костры из денег / в небо струйками дымят*. Коррелируя с характеристикой листопада как «образчика бескорыстья», который отдаёт *родные листья*, и философской сентенцией *Жизнь безжалостная штука, / сложенная из утрат...*, метафора эта напоминает о ценности жизни в любом, даже самом малом её проявлении, а также о бренности бытия, о скоротечности времени, о неизбежности утрат. Не случайно в изображении поздней осени в стихотворении «Ветер закружился над деревней...» дождевые капли, падающие с веток деревьев, превращаются в слёзы: *Слёзы с веток сыпались на крышу, / сучья гулко падали в траву. / Этот безутешный шёпот слышу, / с чувством сострадания живу* (Рязанов, 2007, с. 130). Конечно, это настроение являющегося выразителем авторской позиции лирического героя, вступившего в осеннюю пору жизни. Осенний пейзаж в лирике Рязанова выступает в качестве активно используемого средства психологической характеристики лирического героя по принципу параллелизма. Примеры подобного рода встречаются в стихотворениях поэта регулярно. Одним из наиболее ярких может служить вошедшее в цикл «Болдинская осень» стихотворение «Прощание», лирический герой которого ассоциирует осень с завершением жизненного цикла: *А за окном моей палаты осень, / листве погибшей скоро быть в снегу. <...> Как умирает праведно природа, / как худо умирает человек. // Мне здесь дано уйти и раствориться...* (Рязанов, 2007, с. 158). Интересно, что в рамках общего параллелизма

возникает антитеза, противопоставляющая «праведное» умирание природы умиранию человека, с которым не может смириться его душа.

Стихотворения цикла позволяют увидеть, как меняется позиция лирического героя, обретающего и в эту осеннюю пору жизни надежду. Показательно в этом отношении стихотворение «Как будто вытекла вся кровь...», также построенное на приёме параллелизма: *А за окном трухлявый дождь. / И пугало на огороде / разводит руки... Не поймёшь, / во мне так худо иль в природе* (Рязанов, 2007, с. 142). Брошенные улетающими грачами гнёзда «оживают» в этом тексте, наделяются антропоморфными характеристиками: они *тоскуют на ветвях навзрыд*. Использование в следующей строфе уже по отношению к лирическому «я» слова «тоска» служит формальным подтверждением такого параллелизма. И всё-таки позиция лирического героя этого стихотворения не лишена оптимизма, и как птичий крик с неба *вернёмся рано или поздно!* призван внушить надежду покинутым гнёздам, так и лирический герой в стремлении преодолеть тоску обретает надежду на такую возможность и гонит мысль о скором приближении смерти, что находит воплощение в прямом обращении к ней, связанном с традиционной для фольклора и литературы персонификацией смерти: *А ну-ка смерть! Не сметь! Не сметь! / Не сметь садиться мне на шею!* К слову, оптимизм, жизнелюбие автора, находят непосредственное воплощение в «Больничных частушках», эпиграф к которым является убедительным доказательством обращения его к фольклорной традиции. Этот оптимизм отражается и в изменении изображения осени, которая в стихотворении «Сто различных настроений...», посвященном «подружке дорогой», ассоциируется уже с бабьим летом, которое является здесь не только (и, пожалуй, не столько!) названием периода осеннего потепления, сколько метафорой возрастной характеристики становящейся лирическим адресатом героини: *Ты прекрасна в бабье лето, / невозможно хороша* (Рязанов, 2007, с. 149). Показательно, что она описывается в стихотворении через категории осенней природы, о чём свидетельствует использование соответствующих сравнений и метафор: *Ты щедра и бескорыстна, / будто неба синева. / Загрустила... Словно листья, / тихо падают слова. <...> Я задел тебя не очень – пролился слезами дождь... / Просто потому что осень / и ты сильно устаёшь* (Рязанов, 2007, с. 149–150). В восприятии лирического героя природа становится не только формой, но и синонимом самой жизни. Не случайно и его подруга *нежданна и внезапна, / как природа и как жизнь*, а оба они в проявлении своих характеров – *две стихии / – вихри, смерчи и шторма!*..

Завершить этот беглый разговор об особенностях воплощения темы осени в лирике Рязанова уместно цитатой из наиболее известного его стихотворения: *У природы нет плохой погоды, / ход времен нельзя остановить. / Осень жизни, как и осень года, / надо, не скорбя, благословить* (Рязанов, 2007, с. 34).

Список использованных источников

Kozlova, A. (2021). Osobiennosti intierprietatsii muzykalnoi tiemy v poezii Eldara Riazanova [Peculiarities of the interpretation of the musical theme in the poetry

of Eldar Ryazanov]. *Materialy I mizhnarodnoi slavistychnoi konfientsii, prysviachienoi pamiati sviatykh Kyryla I Mtfodiia*. Kharkiv – Shumen: KhIFT. 240–246 [in Russian].

Riazanov, E.A. (2007). *Liubov – viesienniaia strana [Love is a spring land]*. Moskva: Eksmo [in Russian].

Riazanov, E.A. (1988). Vnutriennii monolog [Inner monologue. Poems]. *Bibliotieka “Ogjniok”: prilozhieniie. № 26*. Moskva: Pravda [in Russian].

K. BALMONT – THE TRANSLATOR OF ENGLISH POETRY

Zhanna Kononova

H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
Ukraine

Translation has always been one of the forms of international communication; in its process not only two languages, but two cultures, two different pictures of the world interact. Translation, on the one hand, expands the boundaries of the original, introducing it into another cultural space, on the other hand, it provides national cultures access to the world literary values. As a result of such interaction, new genres, new artistic techniques appear, the language is sharpened, the range of the poet’s original creativity is expanding.

The problem of literary translation in the works of K.D. Balmont is one of the topical aspects of the study of his poetics. Balmont as a poet, critic and translator has an extraordinarily wide coverage of world culture, primarily Western European. Being a cosmopolitan according to his interests, circumstances of his biography, peculiarities of his worldview and the nature of his poetic thinking, he translated poets from all over the world, enriching the translated literature with the masterpieces of world literature.

Balmont’s activity as a translator caused ambiguous, sometimes contradictory assessments of his contemporaries. In the context of the polarity of assessments of Balmont’s translation activity, which is still a subject of discussion, it is relevant to study his method in the light of the tradition of translation practice at the beginning of the 20th century.

The purpose of this work is to reveal the impact of Balmont’s poetic work on his translations, to show how he reproduces the genre-forming features of the original, and recreates the unity of form and content on new linguistic material.

We proceed from the premise that translation is, first of all, a creative act, reflecting not only the content and artistic characteristics of the original, but also peculiarities of the author’s style, his worldview and the type of his creative personality. At the same time, if the translator is a deeply original poet, the problem of interaction in translation between creative individualities of the poet-translator and the poet-original author becomes unusually urgent. K. Balmont faces a similar problem in his translation activities.

Poetic translation for him is “a participation of souls, and fight, and run together to the common aim”. The poet acknowledges that the work of art is “single and the